

Часть первая

**ХВАТАЙ
ИЛОВАЙСКОГО!**

— Иловайский!
О-о-ум... Я спокоен, мне тепло, я рас-
творён в мире и мир во мне...

— Иловайски-и-ий!

Моё сознание едино со Вселенной, мои мышцы рас-
слаблены, моё дыхание ровное, мои мысли далеко...
далеко...

— Ило-вай-ски-ий!!!

Всё, похерилась полезная медитация на корню дя-
дюшкиными воплями. А ведь вроде только-только на-
чало получаться: и ноги потеплели, и ритм сердца за-
медлился, ещё чуть-чуть — и воспарил бы...

— Звали, ваше сиятельство?

Я рванул дверь сельской баньки, где мой имени-
тый родственник, титулованный генерал казачьих
войск Российской империи Василий Дмитриевич Ило-
вайский 12-й, красный, как восьмипудовая морковка,
грелся на полке.

— Пошёл вон.

— Не понял?

— Пошёл вон отсель!

— Так вы ж меня сами звали?!

— Я тя, ирода, полчаса назад звал, водички холод-
ной плескануть, — обидчиво отвернулся дядюшка. —
А щас уже совсем упарился, лишний жар на сердце да-
вит... Вот за что, за что тебя такого на мою голову?

Вопрос явно был риторический, ответа не требо-
вавший, к тому же не новый, он мне его по два-три
раза в неделю задаёт. Поэтому я лишь козырнул и бро-

сился в предбанник, оттуда во двор, вернувшись назад с бадьёй ледяной колодезной воды. Вякнуть что-либо против мой дядя уже просто не успел...

— Столько хватит? — не менее риторически спросил я, с головой окатывая его сиятельство.

В единое мгновение он превратился в огромный ступок пара с одним матерным воплем, плотно заполнившим всю баньку. Я думаю, если б было чем, он бы меня убил. Нет, я б сам себя за такое убил бы, точно!

— А-а-а!.. Знаешь, полегчало вроде как... — неожиданно выдохнул наш полковой генерал, с наслаждением вскакивая на ноги. — Даже помолодел, что ли... Полотенце подай!

Так, теряю форму. Обидно. К ведьме-скандалистке бабе Фросе заглянуть, что ли, проконсультироваться насчёт свежих пакостей, а то эти уже приелись.

— И ординарца ко мне! Нехай одеться поможет.

— Слушаюсь, ваше сиятельство!

Вот такие простенькие приказы вполне по мне. Я в мгновение ока вымелся за дверь, где во дворе на завалинке курили гнутые турецкие трубки рыжий дядин ординарец и мой денщик Прохор.

— Василь Дмитриевич зовёт, помощи требует! Он в одну штанину двумя ногами попал, теперь левый сапог лишний, чё делать-то, а?!

— Балабол! — буркнул рыжий сотник, но встал и пошёл, а на большую критику моей особы в присутствии Прохора не решился. Это разумно, верный денщик и дядюшке не всегда позволяет повышать на меня голос, не то что всяким там...

— А чего орал-то атаман, аж дверь чуть матом не вышибло? — подвинулся на завалинке старый казак.

— Не сразу оценил разницу температур, — наукоёмко объяснил я. — Но потом понравилось, вошёл во вкус, врачи говорят, умеренное закаливание полезно в любом возрасте.

— Ну ты там всяким врачам особо не доверяйся, сзади не подставляйся — запоят о пользе организму, а сами — раз к тебе с клизмой!

— Прохор, у тебя такой проникновенный голос, словно ты сам через это прошёл.

— А то, — затаившись и пуская дым через нос, гордо ответил он. — Я ить по молодости ещё самого графа Суворова застал, Александра Васильевича. Простой он был человек, незатейливый, солдат лечил палками да народной медициной. Вот и мне довелось разок попасть под раздачу... Сам-то я утёк, благо ноги резвые, а семерых наших войсковой фельдшер так наклизмил отваром ромашковым, что хлопцы два дня на службу не выходили! Прямо у сортира палатку себе и поставили, чтоб недалеко бегать. И не поспоришь же, ить приказ самого Суворова!

— Так тебе небось досталось потом?

— Вестимо, досталось, — улыбнулся в седые усы мой денщик, с головой уходя в романтические воспоминания молодости. — Словил нагайкою вдоль хребта, оно, конечно, боль ещё та... Я ж, прежде чем убець, высыпал картечь, затолкал лекаря в пушку по самую макушку, поднёс фитилёк, а потом и убёг. А при таком катаклизме никому не до клизмы!

...Между тем из баньки, подталкиваемый рыжим ординарцем, чинно выплыл мой свежевымытый дядюшка, сияющий, как самовар у попадьи.

— Иловайский, а ты чего здесь штаны просиживаешь?

— Виноват, не подумал, — подскочил я, вытягиваясь во фрунт. — Не мог знать, что тут ваше законное место! Где прикажете продолжать просиживание?

— Нарываешься, — с удовлетворением крикнул дядя, пожимая руку Прохору. — Ладно, сокол грешный, покуда курьер царский с приказом не прибыл, разрешаю тебе до зари в увольнение. Сгоняй к своей ненаглядной, отметься чем надо, как положено. А то ещё убьют тебя к бесу за царя да отечество, а ты и потомства не оставил...

— Умеете вы подбодрить, ваше сиятельство. Мне Катеньке так и передать: дескать, по начальственной воле направлен к вам на размножение?

— Ты уж на меня-то всех собак не вешай, — тут же открестился он, прекрасно зная характер моей суженой. — Ну её, прелесть твою кареокою с закидонами опасными. С неё станется и не уважить седин генеральских.

А вот это поклёп. Катя как раз таки и уважит, да так уважит, что с её возможностями мало никому не покажется! Ничего, на месте сам разберусь...

— Разрешите исполнять?

— Валяй. Да тока Прохора с собой возьмёшь.

— Как консультанта по размножению? — недопопнял я.

— А что ж, мы и в этом деле не пролетели! Старый кот зря не мяучит, молодых учит. Где помять, где куснуть, каким местом развернуть, где лаской, где галопом, чтоб не попасть в... куда не надо! Прощенья просим, Василий Дмитриевич, заигрался я чегой-то, — вовремя опомнился мой бородатый нянька, едва ли не волевым усилием смиряя вконец распоясавшуюся музу. — Пойдём-ка мы по ветерку до ветру...

— Идите-идите, не оборачивайтесь, — тепло напутствовал дядюшка, с натугой соображая, какое же многообразие рифм мог иметь в виду Прохор. Слава те господи, ни до чего, самого простого, не додумался, мозги генеральские на поэзию не особо заточены. Рыжий ординарец показал нам обоим кулак за его спиной, прыснул в усы и пошёл вслед за своим начальством со двора.

К нам же осторожно подсел сельский староста, баньку которого мой дядя, так сказать, и благодетельствовал самым фактом помывки своего сиятельства. Теперь на неё можно вешать мемориальную табличку, объявлять музеем и за копеечку пускать посмотреть на веник, которым хлестал себя по бокам сам знаменитый генерал Иловайский 12-й! Местные, конечно, пожадничают, но случайно проезжие купцы или скучающие барыньки из соседних поместий вполне могут и соблазниться: для них копейка не деньги...

— А вечер-то нынче тихохонек, — задумчиво окая, протянул староста, отлично зная, с какого боку и на какой козе подъезжать к моему наставнику. — По ночи, поди, опять прохладственно будет. Так вот мыслю, козачки, не пригубить ли нам ядрёную по самому удобному случаю здоровья ради?

— Я не буду, мне к Кате пора!

— А я и не позволю зазря хлопца спаивать, — подержал Прохор, железной рукой удерживая меня за ремень. — Придётся мне, твоё благородие, за тебя твою стопочку выпить, ибо отказывать — грех: вечер-то нынче и впрямь тихохонек...

— Дак и мы про што да об чём. — Староста с благородной крестьянской неспешностью достал из-за пазухи плоский казённый штоф, заткнутый серой

тряпочкой. — Прощенья просим, что стопок-то не прихватили. Однако лекарь-то ваш, энтот... Наумыч, баял, што по-учёному водка прям всех микробиев на корню травит! Так, может, ужо и из горла?

— Вампиры завсегда из горла пьют, и ничё, — подмигнул мне старый казак и напомнил: — Ты лыжи-то шибко не востри, али забыл, что генерал приказывал?

— «Прохора с собой возмёшь», — уныло процитировал я. — Прохор, ну ты ж не маленький, сам понимаешь, что ты мне нужен там, как в гробу гармошка, а в бане — дрессированный ёжик на поводке?!

— Да понимаю, как не понять, сам молодой был, ничего не забыл. Как выйду с запевками да облеплюсь девками, так жди меньше году, а быть приплоду!

И красней не красней, а урезонить этого станичного виршеплёта не было никакой возможности. В полку даже ходили слухи, что будто бы в своё время мой денщик самого Наполеона в стихах обсобачил! Вроде как во время знатной войны тысяча восемьсот двенадцатого года французы на берегу батареею поставили да по нашим солдатикам на переправе палили. Так взвод казаков под это дело, разоблачившись до нагиша и на конях, вплавь, с одними саблями в зубах, реку форсировали да на батареею и навалились. Французы до того обалдели от голых бородачей в одних папах, что без пардону дёру дали! А покуда им мюратовское подкрепление пришло, наши донцы все пушки с обрыва в реку турнули. Ну и якобы сам Наполеон Буонапарте, проезжаючи, шибко грозился, ножками топал, обзывал хлопцев по-всякому, по-корсиканскому. Так вот и наш Прохор тоже не сдержался, вывел лошадь на мелководье, на спину ей встал и императора всея Франции с половиною Европы простым челове-

ческим слогом, народной рифмой, указуя на исконно мужские части тела, так отметелил, что наши от гоготу едва не утопли.

А догадливый Наполеон, говорят, всё-всё-всё понял и впоследствии, уже в плену, с острова Святой Елены писал царю Александру жалобное письмо, требуя за неприличные стишки розгами драть нахального казачка. Да вот только где ж его среди Всевеликого войска Донского сыщешь? Государь наш усмехнулся эдак в кулачок и дипломатично решил этим делом не заморачиваться.

Но... вернёмся на завалинку.

— Дык у обчества, мил-человек, при всём том просьбишка ничтожная будет до твоего-то характерника, — важно, словно некую новость, прогудел калачинский староста. — У Фёклы-то, солдаты, муж почитай уж осьмой годок службу тянет, дак мы о ей и заботу, и уважение проявляем. Нам чужого не нать! Нам своего добра-то хватат! И чего ж?

— И чего ж? — явно подустав от долгих речей с одновременным удерживанием меня, сорвался Прохор. — Ты дело говори, а ваши сплетни деревенские мне как казаку ниже плетня, вдоль лампаса!

— Дык... вот оно, дело-то, как! — даже обиделся староста, демонстративно затыкая бутылку той же тряпочкой, а взамен вытаскивая из кармана новенькую шпору. — Я ж и говорю, што мальчонка ейный младшой, годков четырёх-от, сёдня утром во лесу нашёл! От обчество и спрашиват, могём ли мы тот предмет продать, коли он потерянный? Али, может, характерник твой сам-от купит? Да тока ежли оно как типа улика какая ни есть секретная, дак мы задёшево-то не дадим...

Мой денщик одним ленивым движением развернул моё благородие на сто восемьдесят градусов и сунул шпору под нос.

— Да ну вас всех! Я к Катеньке, цветочку лазоревому, на последнее свиданье опаздываю, а вы тут мне... — В голове что-то щёлкнуло, перемкнуло, по затылку разлилось тягучее тепло, а в левую пятку впились знакомые иголки. — Так это же шпора царского курьера, что вёз Василию Дмитриевичу срочный пакет из штаба! Где точно вы её нашли, шаромыжники, а?!

— От ить догада, — восхитился бородатый великан-калачинец, цапнул шпору обратно и встал. — Сколько целковых отвалишь вдове-то да и обществу за сию полезность? Ить, поди, вещица-то ох какая нужная-а...

Мы с Прохором на миг переглянулись и в четыре руки так скрутили делового старосту, что он и пикнуть не смел, а лишь молился свистящим шёпотом:

— Спаси-сохрани, Царица Небесная! Пошто бьёте-то, козачки? Я ж не за-ради какой корысти-то, я тока вдове с пятью дитятыми подмогнуть...

— Мы тебя, изменника государева, ещё не бьём, — тепло пояснил мой денщик, едва не рыча от ярости. — А ну говори, собачий сын, где точно шпору нашли?! Говори, когда тебя сам Иловайский спрашивает!

— На живот-то коленом не давитя-а...

— Щас я ему, Илюшенька, на другое место коленом надавлю. Враз голосок тонкий станет и петь будет дюже жалостливо.

— Да скажу я, скажу, ироды! — взмолился бородач. — От кладбишша што дорога-то вдоль леса идёт, вроде на опушке, у поворота, и валялась хренотень энта проклятушшая... Ну слезьте ж со меня, Христа ради!

Ить грех же содомский, коли кто со стороны поглядит-от...

— Это он на что нам намёкивает? — зачем-то уточнил у меня Прохор, выхватывая из-за голенища нагайку. — Посторонись-ка, характерник, я тут кое-кого уму-разуму да библейским аллегориям учить буду!

Никогда не видел, чтоб здоровый степенный мужик, полторы сажени ростом, косая сажень в плечах, борода до пупа, так резво прыгал через забор. Нет, знал, конечно, что нагайка и ума прибавляет, и резвости, и юности даже, но чтоб вот так, всё сразу и настолько действенно — любовался впервые...

— А ты что ж стал столбом, пень с чугунным лбом? Раз с курьером беда, значит, нам туда, и уж ночь не в ночь — надо парню помочь!

— Поздно ему помогать, — не знаю откуда, но почему-то сразу понял я. — Но и спорить не буду, ты прав, седлаем коней и до лесу, пока ещё хоть как-то светло...

— Дядюшку вашего предупредить не надо ли?

— А толку-то? — пожал плечами я, подбрасывая шпору на ладони. — Он по-любому меня на расследование направит, а тебе сопровождать велит. Скачем уж сразу, потом доложимся.

Старый казак что-то хмыкнул в усы, но молча пошёл за мной на другой конец села, где, собственно, мы и квартировались. Именитый генерал, ясное дело, забрал лучшую хату в Калаче, а я, хоть и его племянник, но человек скромный, чина небольшого (пусть и офицерского), обещанного «Георгия» по сей день не получил, да и кому теперь до наград? Так что мы с моим денщиком-поэтом-балагуром-вдовцом Прохором живём на конюшне, спим на сеновале, он ближе к стойлам, а я на самой верхотуре, под протекающей

крышей. Зато и приказы генеральские мне исполнить — только их сиятельству бровью повести! Я уже в седле, усы закрутил, саблю в руку — и полетел характерник служить царю, Отечеству, вере православной да батюшке Дону...

Ну если уж совсем честно говоря, служака из меня никакой, тут дядя прав. Карьерный рост, золотое оружие за храбрость, ордена да кресты на грудь — как-то всё это не цепляет. Мне бы к разлюбезной сердцу моему Катерине заглянуть успеть, с губ её бутонных поцелуйчик отхватить, а там уж пусть даже и на войну. Куда она, война, от меня денется...

— Илюшка, чтоб ты?! Чего столбом застыл, на какие мысли разлакомился? Иди вона, сам своего чертяку арабского седлай, эта нехристь меня ни в грош не ставит! — обиженно взвыл потирающий плечо Прохор. — И скажи ему, что, если он, крокодил лошадиного племени, меня ещё хоть раз тяпнет, я его оглоблей поперёк хребта при всех кобылах не помилую!

Белый арабский жеребец (подарок благодарных парижан моему героическому дядюшке) прыгал по двору козлом, ржал, махал хвостом и вообще вёл себя как последняя скотина.

— К ноге! — строго приказал я.

Конь прижал уши и, осторожно шагнув в моём направлении, замер, как античная статуя.

— Ты чего меня перед подчинённым позоришь?!

Араб коротко всхрапнул, всем видом изображая, что если я имею в виду своего денщика, то тут надо ещё посмотреть, кто у кого в подчинении...

— И насчёт твоего шибко вольного поведения мы вроде бы говорили не далее как вчера? — сдвинув брови, напомнил я.

Жеребец передёрнул плечами: ну говорили, и что...

— А то, что, если опять будешь кусаться, я на тебя намордник надену, и пусть над тобой все собаки смеются!

Ага, дядин конь угрожающе приподнял заднюю ногу: пусть посмеются, если подойдут на удар копыта...

— Леший с тобой, — сдался я, сунул руку в карман шаровар и вытащил два кусочка сахара. — Получишь после службы.

Белый араб ласточкой метнулся на конюшню и прибыл назад, уже держа седло в зубах!

— Просто к нему подход нужен, — терпеливо объяснил я ухмыляющемуся старшему товарищу. — Оглоблей по хребту, конечно, быстрее, но и животные, они тоже как люди. У них и капризы свои, и настроение, и норы, надо ж по-честному...

— Ну, если по-честному, — не задумываясь, вывел Прохор, — тогда туда он тебя на своей спине везёт, а обратно — ты его!

Дядин жеребец радостно закивал, и мне пришлось показать ему кулак, чтоб не забывался. Но время не ждёт, мы махнули в сёдла, и боевые кони на рысях вынесли нас за околицу, а там по просёлочной дороге, мимо мирно переливающегося закатным золотом тихого Дона, к старому кладбищу, где и вправду за поворотом дороги, у рощицы, стоял могучий дуб. Невысокий, скорее кряжистый, с вершиной, давным-давно расщеплённой ударом молнии. Прохор кинул мне поводья, резвее молодого спрыгнул с седла и полез шарить в траве.

— Потерял чего?

— Это ты, характерник, нюх да совесть потерял. Почему я твою работу исполнять должен? Давай тоже ищи!

— Кого? — ещё раз спросил я.

— Дак курьера же царского, — буркнул он, уже понимая, что всё не так просто. — Но ведь место вроде то?

— Оно самое, думаю, здесь мальчишки ту шпору и подобрали. А вот в то, что и курьер прямо здесь в землю провалился, — верится не очень...

— Ну так ты и давай, поднапрягись! Руками там помашаи, разгони морок, сердцем али левой пяткою, да и угадай, что было-то...

— Что было, угадать нетрудно, — помрачнел я, поскольку в тот же миг мелькнувшая у меня в мозгу картинка радости не вызвала. — Курьер мёртв, сумка с пакетом украдена, тело унесла на плече горбатая женщина со странной походкой, в руке у неё была дохлая ворона, а на голове — горящие свечки!

— Вот прямо тут же всё и прояснилось, — то ли издеваясь, то ли абсолютно без задней мысли широко улыбнулся мой денщик. — А теперь ещё разик напрягись, постарайся, не ленись, хватит, ваше благородь, ерундытину пороть!

Вообще-то, честно говоря, когда я сам попробовал представить ту композицию, что только что бездумно описал, — мне тоже поплохело. Может, мозги под папхой размякли от жары? Или на меня кто из Обратного города порчу навёл, что я хрень бесстыжую несую и язык не заплетается...

— Знаешь, давай всё-таки разделимся, — подумав, предложил я. — Ты проводи меня до кладбища и скачи к дяде. Доложи ему, что да как, шпору покажи. Меня заберёшь на рассвете, там же, у могилы. Добро?

— Добро, — покрутив усы, признал мой нянька. — Пистолеты-то зарядил? Как-никак к любимой девушке идёшь...

— Пистолеты при мне, сабля тоже, и в нагайку пулю свинцовую вшил. Так что экипирован по полной! Да и не съест же она меня. Тебе в подарочек йогурт захватить?

— А давай! — согласился он. — Вот тока конфету марсианскую не бери, от неё орехи дюже в зубах застревают.

— Это от сникерса.

— Дык не один хрен?

Ну, в принципе, один, не стал спорить я. Катенька частенько баловала меня разными вкусностями из будущего, так что и Прохору порой перепадало. Но мы тоже вели себя честно-благородно: обёртки, банки и бумажки всякие безжалостно сжигали в печке, чтоб учёным людям историю не портить!

Мой верный наставник не спеша сел в седло, резко развернул своего коня, не чинясь, огрел его плетью слева и справа, и только пыль взлетела серебристым облаком под протирающими глаза, ещё сонными звёздами...

Я наклонился к чуткому уху араба, ласково шепча:

— Не бойся, маленький, я тебя плетью обижать не буду, ты ж у меня и так послушный мальчик, правда?

Жеребец покосился на меня, подумал и яростно закивал. С любым существом всегда можно найти взаимопонимание, этому меня Обратный город выучил. Ведь хоть на минуточку представить, с кем я там только не встречался, по сей день мороз по коже пробирает... Обратни, чародейки, людоеды, вурдалаки, привидения, черти, бесы, упыри, колдуны, любая нечисть всех мастей, чинов и мудрёных классификаций. Если б не свет очей моих, розан душистый, Катенька, и ноги бы моей там не было! А тут вот влюбился хорунжий,

как сопливый пацанёнок в соседскую девчонку за плетнём, и пропала душа казачья. Уж и в город к силе нечистой сам хожу, кой с кем в приятелях, с упырями да ведьмами общаюсь запросто, а с людоедом грузинским, православной рясой прикрывающимся, бывает, даже хлеб-соль вожу, магарыч пью... Тьфу, самому тошно! А куда денусь-то, любовь, она... любовь...

Старое кладбище за селом давно уже стало для меня родным и привычным. Понимаю, как дико это звучит, но иначе не скажешь. Вот здесь я впервые столкнулся с душегубкой бабкой Фросей, а вот тут араб сбросил меня на кладбищенскую землю, а сюда меня перетащили на разделку упыри Моня и Шлёма, а вот через эту могилу мы все трое убежали от мстительных молдавских чумчар. Злобные твари к переговорам не склонны, извинений не принимают, жрут своих, и я у них на сто лет вперёд в чёрном списке. Вот уж как помру, так они, поди, мою могилу вскроют, кости обглодают да тогда лишь и успокоятся...

— Ну что, дружище, жди меня здесь. — Я потрепал по шее коня, спрыгнул с седла и пустил жеребца на волю.

Араб у меня учёный, один раз его уже в Оборотный город на мясо уводили, теперь он кого постороннего только на расстояние прямого удара копытом в челюсть и подпускает. Пара-тройка чумчар за это уже поплатились крепко...

Хотелось бы, конечно, Катеньку заранее предупредить, да уж поздно. Я разгрёб руками рыхлую землю за покосившимся крестом, нащупал железный рычаг и потянул на себя. Со скрипом и пылью могила открылась, являя аккуратные ступени под землю. Я спустился, уже прикрывая за собой крышку, как... белый

араб, спокойно щипавший травку у дороги, вдруг резко вскинул красивую голову, повёл ушами и молнией сорвался с места, исчезая в ночи.

— Что ж тебя так напугало-то? — Я быстро сунул меж землёй и крышкой могилы рукоять пистолета и приник к щели. Неужто чумчары пожаловали?

Но нет, наискосок от кладбища к лесу, переваливаясь с боку на бок, однако ж очень шустро пробежала странная женская фигура с горбом на спине и шестью горящими свечами, торчащими на голове, как рога...

— Что за пакость невнятная? — только и успел спросить я, как из темноты грохнул выстрел и кусок свинца впелся в землю на какую-то ладонь от моей щеки. Второй пули я ждать не стал, мигом выдержав пистолет и наглухо закрыв себя в могиле. Вот ведь дела, ещё и сделать ничего не успел, а уже убивают. И главное, за что? Поди разбери. За то, что к Хозяйке в гости иду, или за то, что заинтересовался пропавшим царским курьером?

Ну, коли по первому делу проблемы, так Катенька и сама за меня любой нечисти пасть порвёт, у неё наказания не застревают. А вот если по второму... Да неужто за нами с Прохором с самого начала слежка была? Поди, и шпору-то курьерскую мальцу специально под ноги бросили, знали, что рано или поздно, а люди к характернику за советом пойдут.

— И всё равно ничего не понятно, — бормотал я себе под нос, осторожно спускаясь по ступенькам в подземные глубины. — Если кто хотел меня из села выманить, так и попроще трюк придумать можно было. А вдруг возьми да и потеряй мальчонка шпору? Или староста её любому заезжему коробейнику за так предложи? Не, не я им нужен... А кто ж? Смысл-то

офицера с почтой ловить? Дядюшка и так знает, что война, что на Польшу пойдём, так какой кому интерес пакет с приказом красть? Ну не выступит наш полк в срок, задержится на неделю, что с войной-то будет? Без нас, как ни крути, а не кончится. Да и может ли быть решающей задержка прибытия всего одного полка? Ить не Ватерлоо небось...

Чем ниже вели ступени, тем светлее становилось вокруг. Под землёй освещение иное, более рассеянное и голубоватое, как в дождливый день. Вроде и видно всё преотличнейше, однако солнышка не хватает. Уже идя по широкому коридору к арке, я заметил маячившую впереди спину мясника Павлушечки. Известный интеллигент-душегуб, человечинной на развес торгует, но лавку его все хвалят, дескать, и свежатиная всегда есть, и денег лишних не дерёт.

— Кого я вижу, человеке? — радостно обернулся он на звук моих шагов. — Рад, искренне рад. Как не хватает порой нормального интеллигентного общения...

— Это не ко мне, — сразу упёрся я. — У нас в полку интеллигентов нет, дядя при одном слове «интеллигенция» за нагайку хватается.

— Помню оное, досталось в иное время. — Мясник оставил тачку и плотоядно облизнулся. — А ты, казаче, без охраны сегодня? Неосмотрительно сие...

— Когда по личному приглашению Хозяйки, так и охрана не нужна, — нагло соврал я, грозно выгибая бровь. Научился за полгода тренировки перед зеркалом. Говорят, сам Наполеон осваивал это искусство по совету старого циркового клоуна.

— Ну если сама Хозяйка... так что ж... — тяжело вздохнул Павлушечка (ага, бровь-то сработала!). — Мне с ней сейчас ссориться не резон. Хочу лавку расширить,

договорился с нужными поставщиками, но без её особого соизволения никак нельзя. Может, замолвишь словечко, казаче?

— А мне-то что за интерес...

— О, ценю деловой подход. — Любоед попытался приобнять меня за плечи, но замер, стоило мне положить ладонь на рукоять пистолета за поясом. — Да-да, сам не любитель лишних фамильярностей, гигиена — залог здоровья!

Кто бы говорил... Эта ходячая гора сала мылась раз в год, и то вряд ли: вечно перепачкан жиром и подсохшей кровью, а если его мясницкий передник выстирать в Дону, то на три версты ниже по течению вся рыба всплывёт кверху брюхом!

— Так вот что я могу резонно предложить. — Он вернулся к своей тачке, где лежало чьё-то позеленевшее тело, прикрытое рогожей. — Ты у Хозяйки добываешь разрешение письменное на строительство магазина по французскому образцу. Широкого, просторного, с дегустационным зальчиком а-ля бистро. А я тебе за соучастие — оговорённый процент. Предпочтёшь деньгами или производимым товаром?

— Сосиски «дамские пальчики»? — припомнил я, и меня передёрнуло. — Спросить спрошу, а платить будешь услугами.

— Какого толка услугами, казаче? — неожиданно покраснел он, кокетливо одёргивая замызганный передник.

Наверное, тут бы и пристрелить подлеца за такие мысли, но мы шагнули за поворот, а там под аркой уже стоял навытяжку бдительный бес. Господи боже, даже не со старым фитильным ружьём, а с кривым турецким луком! Ох нет, мама дорогая, с такой допотопщиной меня ещё не встречали...

— Стоять, руки вверх! Щас обоих стрелять буду!

— Остынь, бесове... — укоризненно прогудел Павлушечка. — Я это, ты меня знаешь. А тот, что со мной, так сам хорунжий Иловайский. Или тебя старшие товарищи о нём не предупреждали?

— А чё меня предупреждать, — нагло оскалился бес. — Нешто я эту военщину усатую и сам не знаю... Стоять, кому говорю!

Мы переглянулись, но встали. Интересно, что дальше?

— А дальше пушай мясник своей дорогой идёт, у меня к нему претензий нет. Но ты, хорунжий... Помнишь, злыдень в лампасах, как мне в ружьё песку насыпал, а?!

Я пригляделся к гневной мордочке беса. Память услужливо подсунула подходящую картинку: тот же бес, весь чёрный от пороховой гари, с обожжённым пяточком, держащий в лапках ружьё, увенчанное чем-то вроде железной ромашки. Да, рвануло тогда неслабо... Но ведь весело же было, и сувенир оригинальный, чего ж злиться-то?

— Ан вот теперь и я потешусь! За всех наших тебе отомщу. Посторонись, толстый, я щас буду из казачка ёжика делать!

— Это первая услуга, — с нажимом напомнил я отступающему Павлушечке. — Ты просто иди своей дорогой, а мы тут вокруг побегаем.

Бес натянул тетиву до уха, но я уже успешно спрятался за непробиваемой тушей мясника.

— Эй, хорунжий, ты это чё? Это прикол, что ль, такой, я не понял? А ну вылезай, я в тя стрелять буду!

— Вперёд, — скомандовал я, с трудом сдерживаясь, чтоб не пнуть людоеда по заднице. Так сапоги ж потом ничем не отмоешь...

Ржевский:

*...Гусары не разини,
В любви иль неизвестно слово «нет».
И коль решусь войти в ворота ада,
Подругой стать любая будет рада.*

А. Гладков. Давным-давно

Третья книга цикла «Оборотный город» неожиданно стала финальной. А ведь наверняка многие почитатели таланта Андрея Белянина полагали, что и в этом цикле романов будет не меньше, чем в знаменитом «Тайном сыске царя Гороха». Однако писатель посчитал, что всё, что он хотел поведать о своём герое и чудесном городе, населённом всевозможной нечистью, уже сказано и история завершена. Что ж, это право автора, хотя и немного жаль расставаться с полюбившимся миром и его персонажами. Но маски сорваны, концы сведены с концами, тайны разгаданы. Что же находится в сухом остатке?

Продолжая параллели с «Тайным сыском», можно сказать, что история казачьего хорунжего Ильи Иловайского — это повесть о «повзрослевшем» Никите Ивашове. Формально, конечно, герои обоих циклов

почти одноплетки. Иное дело, что повзрослел и изменился сам автор. В Ивашове воплотились юношеские идеалы писателя, трогает свежесть, наивность, восторженное восприятие окружающего мира, которое, впрочем, меняется от книги к книге, поскольку сериал о Лукошкине создавался на протяжении десяти лет. «Оборотный город» завершён за три года и писался уже достаточно зрелым, много повидавшим и умудрённым житейским опытом человеком. Это не могло не отразиться в тексте.

Иловайский смотрит на мир взглядом зрелого и даже чуть утомлённого жизнью мужчины. Чувствуя это и понимая трудности, сопряжённые с несоответствием биологического и психологического возраста персонажа, автор с самого начала истории бравого хорунжего «обезопасил» себя тем, что сделал своего героя характерником, человеком немного не от мира сего, комфортно чувствующим себя не только среди людей, но и в обществе нелюдей. Порой даже не поймёшь, где же Илье лучше, в Калаче или Обратном городе. Думается, в последнем, поскольку в мире людей он то и дело огребаёт по первое число то от дяди, то от стариков, то от собственного денщика. В мире же нечисти Илья непобедим, становится здесь некоей легендарной, культовой фигурой, едва ли не героем анекдотов.

Итак, ключевое слово произнесено. Анекдот. Действительно, одной из жанровых особенностей цикла «Оборотный город» является то, что это своеобразные романы-анекдоты. Причём анекдоты большей частью для взрослых, понимающих соль шуток, разбирающихся в явных и неявных намёках, подмигиваниях и умолчаниях. Наиболее близким в этом отношении явлени-

ем к циклу Белянина можно считать многочисленные анекдоты о похождениях поручика Ржевского.

Явившийся на свет из-под пера Александра Гладкова в пьесе «Давным-давно» (1940) и получивший вторую жизнь в фильме Эльдара Рязанова «Гусарская баллада» (1962), этот вымышленный персонаж Отечественной войны 1812 года зажил своей жизнью, став героем более четырёхсот анекдотов. Как правило, это фривольные истории на сексуальную, алкогольную и «каламбурную» тематику. Ржевский — собирательный образ лихого рубаки-парня, донжуана, вульгарного пошляка, снижающего пафос «высокой» аристократической среды. Впрочем, не все анекдоты о нём характеризуются пошлостью и цинизмом, представляя героя неким подобием русского Мюнхаузена. Вот эту часть как раз и обыграл, по нашему мнению, Андрей Белянин, создав свою «казачью мюнхаузениаду».

Как и Ржевский, Иловайский является альфа-самцом, имеющим колоссальный успех у дам, причём самых разных. Тут тебе и таинственная красавица Катя, Хозяйка Обратного города, и людоедка бабка Фрося, и ведьма-интриганка мамзель Фифи, и многочисленные вампирши. Каждая мечтает заполучить молодого казачка (разумеется, с различными целями). Однако Илья лишён брутальности, неразборчивости и всеядности поручика Ржевского, поскольку в православной вере твёрд и следует исконным устоям казачества. Для него существует одна-единственная любимая женщина, а все прочие, покушающиеся на его честь, становятся объектами осмеяния (типичный для творчества Белянина приём борьбы со злой силой).

Анекдотические ситуации, создаваемые автором, имеют различную природу. Некоторые из них, как

отмечено выше, затрагивают «взрослую» тему сексуальных отношений. Шутки балансируют на грани дозволенного, но не переходят черту, поскольку всё же большая часть читательской аудитории «Оборотного города» — это подростки и юношество, а Белянин не забывает о воспитательной роли литературы. Он как бы указывает, что хорошо, а что плохо в данной сфере человеческих отношений.

Ещё одним источником анекдотов служит для писателя современный социум. Это и литературное пространство, и различные интернет-сообщества и т. п. Подобно тому как в классических анекдотах о Ржевском наряду с вымышленным героем действуют реальные исторические лица (Пушкин, Лев Толстой), Иловайский также сталкивается с реальными представителями современного российского фантастического сообщества (так называемого фэндом), блогосферы, политикума. Разумеется, имена несколько изменены, однако прототипы вполне узнаваемы. Олицетворяя то или иное негативное явление нашей жизни, они шаржируются порой в достаточно резкой, едва ли не карикатурной форме. Некоторые из адресатов обижаются, отвечая созданием ответных пародий, другие воспринимают все как шутку, третьи предпочитают «не узнавать» себя.

Но заметная доля анекдотических ситуаций в трилогии построена на обычных для книг Белянина оппозициях «своё» — «чужое», то есть добро — зло. Так, фантазия автора не имеет границ, изобретая комичные сценки столкновений Иловайского с привратниками Оборотного города. На протяжении повествования Илья раз пять, а то и больше проходит через городские ворота, охраняемые туповатым солдафоном-чертёнком.

И всякий раз столкновение казака с нечистиком описывается в новой манере. Если изъять эти сценки из текстов книг трилогии, то получится отдельный цикл потешных миниатюр. Или взять эпизоды встреч хорунжего со своими друзьями-врагами из мира нелюдей. Большая часть разговоров Ильи с упырями Моней и Шлёмой, отцом Григорием, мясником Павлушечкой, кабатчиком Вдовцом построена в виде анекдотов, где главными приёмами становятся каламбур, двусмысленность, аллегория.

Основное отличие знаменитого героя анекдотов от Иловайского, как уже говорилось, — это постоянство хорунжего в любви, преданность православию и казачеству, а также ярко выраженная любовь к Отечеству. Без преувеличения можно сказать, что Илья, как и Никита Ивашов, — истинно русский герой. Все его поступки и помыслы направлены на прославление России, укрепление её военной и духовной мощи. Ратная сила и духовность, по мнению Белянина, неразрывно связаны между собой. Не случайно подлинными носители русского духа всегда оказываются у писателя победителями. Причём формы выражения и проявления национального характера, народной души могут быть самыми разными. Так, у фантаста отражением самобытности русского народа и, в частности, казачества становятся песни. Будь то излюбленная казачья «Не для меня придёт весна» или походная «На горе стоял казак». Вот уж точно «нам песня строить и жить помогает».

Третья книга цикла завершается тем, что Иловайский вместе с полком отправляется в поход на Польшу. Вероятно, речь идёт о Русско-польской войне 1830–1831 годов. Конечно, любопытно было бы увидеть

бравого хорунжего и на поле брани, однако по тексту видно, что история его таки, вероятно, закончена. И впрямь, герой в очередной раз посрамил зло, разобравшись как с современниками, так и с гостями из будущего, обрёл личное счастье и помог обрести его близким ему людям. Чего же больше?

Кто знает, суждена ли Илье Иловайскому столь же долгая литературная жизнь, как и бессмертному образу поручика Ржевского, станет ли он тоже героем народных анекдотов? Время покажет. А пока улыбнёмся очередным весёлым похождениям и проказам симпатичного хорунжего, читая анекдоты минувших дней, созданные талантом замечательного писателя-фантаста Андрея Белянина.

Игорь Чёрный

Часть первая. ХВАТАЙ ИЛОВАЙСКОГО!	3
Часть вторая. ЗУБЫ НАВЫЛЕТ!	143
Часть третья. ТВОЮ ЖЕ ДИВИЗИЮ!	275
Дней минувших анекдоты	409

Литературно-художественное издание

Андрей Белянин
ХВАТАЙ ИЛОВАЙСКОГО!

Ответственный редактор *Валерий Атамашкин*
Выпускающий редактор *Галина Логвинова*

Формат 84×108 ¹/₃₂. Бумага офсетная.
Тираж 4000 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 05.2023.
Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, Ульяновская обл.,
г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.